

II. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 93/94(47).08

И.А. Новиков

АРТЕЛЬ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА

Рассматривается термин «артель» в русской историографии, отечественная традиция понимания артели, приводится попытка выделить существенные признаки термина «артель» и обозначить границы его применения

Ключевые слова: артель, историография, организация труда

В настоящее время в отечественной историографии тема истории рабочего класса представлена крайне скудно. Ситуация на региональном сибирском уровне не лучше. До сих пор не изученным остаётся «основной элемент, организовывавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели» [1. С. 7]. Думается, что это не в последнюю очередь связано с весьма расплывчатым пониманием самого слова «артель». История точного определения понятия «артель» в отечественной науке сопровождалась поиском характерных черт этой формы организации труда и попытками дать определённую классификацию этому явлению народной жизни. Попытаемся здесь проследить историографию термина «артель» в отечественной литературе.

В 1835 г. в Энциклопедическом Лексиконе Плюшара артель понималась как «общество нескольких человек низкого состояния, соединившихся для производства одинакового промысла, работы или ремесла» [2. С. 206]. Первая попытка собственно научного исследования артелей связана с именем Н.В. Качалова (1864). До этого мы располагаем лишь отрывочными сведениями, мимоходом брошенными упоминаниями иностранных и отечественных путешественников и исследователей, сводящихся по большому счёту к простому фиксированию факта существования артелей у русских и инородцев [3. С. 4–10]. Н.В. Качалов видел в артели «товарищество нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами или только последними для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга» [4. С. 1]. Эту же точку зрения в целом разделял и И.И. Дитятин (1875) [5. С. 268–287].

Профессор С.В. Пахман в своём описании обычного гражданского права (1877) определял артель следующим образом: «...юридический союз, в котором несколько лиц соединяют свои личные, а иногда и имущественные средства, с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли» [6. С. 250]. При этом за основу брались именно народные юридические обычаи: «Мы имеем в виду выяснить, по возможности, лишь юридическую сторону этого рода ассоциаций. <...> источником для изучения начал обычного права, впредь до издания других материалов, будут нам служить, кроме немногих описаний артелей, преимущественно артельные уставы. При этом мы не будем рассматривать артели по роду их предприятий, как это обыкновенно

делалось, но постараемся, из сравнительного их изучения, вывести общие начала по всем вопросам, на которые должно распадаться, в юридическом анализе, учение об артельном товариществе. В этом смысле мы предлагаем первую попытку систематического изложения юридических начал артельного права» [6. С. 249]. Отдельно следует отметить рассуждения автора о разнице понятий «артель» (ассоциация) и «товарищество» по отношению к значению личных и имущественных сил, вносимых в общее дело: если для товарищества обязательным является участие капиталом, то для артели на первом месте стоит именно личное участие трудом. С.В. Пахман даже называет артель «товариществом труда» [6. С. 251–252]. В отличие от С.В. Пахмана профессор Э. Вреден (1880) опирался как раз на писанный закон и видел в артели союз тружеников, соединившихся для известного производства или хозяйственного оборота. Он также указывает на круговую поруку как неременное условие существования артели [7].

Наконец, в 1881 г. выходит первое специальное исследование об артелях в России – книга А.А. Исаева. В историографической части работы автор рассматривает попытки определить значение термина «артель» до него (в т.ч. и приведённые нами выше) и объясняет, почему они все оказались неудачными. По сути, главный их изъян сводился к тому, что за основу брались какой-то отдельный вид артельных союзов, а не явление в целом. Например, указание на принадлежность артельщиков к «низкому состоянию» противоречит биржевым артелям, а производство промысла, работы или ремесла как цель образования артели характеризует только производительные артели (а никак не харчевые и ссудо-сберегательные (поручительские) артели) [8. С. 2–9]. Здесь же впервые чётко ставится вопрос о выборе основания для определения артели. Представляется важной следующая мысль Исаева: «Чтобы определить его [слова «артель»] значение, мы будем следовать воззрению народа на союзы этого вида. Раз это слово заимствовано из народной речи, было бы несправедливо не считаться с теми требованиями, которые она ставит союзам, называя их артелями» [8. С. 9]. И далее выделяется несколько таких требований: 1. Преследование хозяйственных целей; 2. Господство начала равенства во внутренней жизни артели; 3. Круговая порука (коллективная ответственность); 4. Договорное начало (договор писанный (устав) или подразумеваемый (по обычаю) (Кроме тюремных и солдатских харчевых артелей! Договорное начало объединения – существенный признак, отличающий артельный союз и от общинной организации, принадлежность к которой определяется рождением); 5. Участие членов в общем деле трудом или трудом и капиталом (это признак собственно производительных артелей» [8. С. 18]).

В итоге определение артели, по А.А. Исаеву, звучит следующим образом: **«Артель есть основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом»** [8. С. 21].

Это же определение повторяется в отечественных словарях вплоть до 1900-х гг. [9. С. 184; 10. С. 105]. Когда же правительство внесло некоторые

изменения в законодательство и к 1906 г. отказалось от общины в качестве фундамента социально-экономической организации крестьянства, изменилось и само понимание артели. В Энциклопедическом словаре Русского Библиографического Института Гранат (1910) артель определялась уже немного по-другому: «совокупность лиц, вступивших между собой в соглашение о совместном исполнении различных работ с круговой всех за всех поручкой, при личном участии каждого трудом или капиталом» [11. С. 574]. Судя по подзаголовку словарной статьи («Артель (в юридическом отношении)»), автор изначально отталкивался от мнения, принятого в современной литературе, а не от факта народной жизни. Отсюда из определения исчезло указание на участие в артели «трудом или *трудом и капиталом*», а потому и не говорится о равноправности членов союза.

В Новом энциклопедическом словаре 1911 г. (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) отмечается, что в литературном, экономическо-юридическом языке слово «артель» употребляется уже в двух смыслах: просто как синоним «кооператива» и как наименование союзов, которые искони возникли и развивались в русском народном быту совершенно независимо от влияния Западной Европы, где кооперативное движение стало распространяться только в XIX в. Показательна следующая мысль из первой части словарной статьи: «...эти формы [артельных объединений] столь разнообразны по своему экономическому значению и юридической организации, что не могут быть охвачены одним общим определением. Вот почему понятие «артель» остаётся до сих пор неясным, а попытки определения его – неудачными» [12. С. 749]. Последнее и понятно, поскольку здесь артель прямо отождествляется с кооперативом: «...неудачны <...> попытки провести точную границу между русской артелью и западно-европейскими кооперативными товариществами» [12. С. 750]. Во второй же части словарной статьи отстаивается несколько иная точка зрения: «От других кооперативных форм, получивших широкое распространение во второй половине XIX в. как в Западной Европе, так отчасти и у нас, в России, артель отличается, прежде всего, временем своего происхождения. <...> Вообще *эта форма кооперации свойственна натуральному и меновому докапиталистическому хозяйственному строю*; развитие капитализма убивает её, создавая, вместе с тем, необходимые условия для существования промысловых товариществ – производительных, сырьевых, складочных и подсобных, – *которые в нашей литературе также часто называются артелями*» (выделено мной. – И.А.) [13. С. 764]. Здесь даётся следующее определение артели: «...добровольный, основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели и участвующих в общем промысле или одним трудом, или трудом и средствами производства» [13. С. 764]. Как видим, здесь используется определение артели, данное ещё А.А. Исаевым, но без указания на круговое ручательство членов союза.

Дальнейшие изменения в определении «артели» наблюдаются после 1917 г. Так, в первом издании Большой советской энциклопедии (1930) среди признаков артельного союза перечислены только договорное начало и непосредственная хозяйственная деятельность как цель объединения. За

главное основание артели берётся именно «совместный процесс труда либо совместное владение средствами производства» [14. С. 466]. Ни о каком начале равенства внутри артели и коллективной ответственности речи не идёт. Как факт здесь описываются случаи употребления слова «артель» по отношению к весьма разнообразным и разнохарактерным объединениям людей. Характерны слова, которые предваряют тот или иной случай: «Понятие артель *прилагается чаще всего к...*», «*Упрочилось название артель и за такими объединениями...*», «*Значительно реже употребляется название артель в отношении...*», «*почти никогда не именуется артелью товарищества...*» (курсив мой. – И.А.) [14. С. 466]. Мы имеем здесь, по сути, сугубо описательный материал, за которым так и не предлагается своего определения термина «артель». Из текста словарной статьи ясно, что под артелью понимается *именно и только* трудовой союз эпохи капиталистических отношений: «Многие исследователи склонны сваливать в одну кучу современные артели, возникшие на основе распада родовых, общинных хозяйственных связей, с различными формами трудовой взаимопомощи, существовавшими во все времена и встречающимися даже в мире животных <...> следует, не сливая *современные артели* со всякой вообще взаимопомощью, понимать под ними *лишь те объединения, которые возникают в эпоху капитализма* и представляют собою не что иное, как приспособление хозяйственно слабых элементов общества к условиям капиталистической экономики» (курсив мой. – И.А.) [14. С. 467]. Таким образом, имеем коллектив наёмных рабочих, связанных коллективным договором. Такое понимание артели представляется по меньшей мере странным, если не учитывать идеологическую подоплёку издания.

Малая советская энциклопедия 1937 г. вторит приведённому выше определению. Уже само начало статьи говорит о том, что под артелью, строго говоря, понимается не факт, явление народной жизни, а «*наименование* разнообразных объединений, преимущественно трудящихся, для совместной хозяйственной деятельности» (курсив мой. – И.А.) [15. С. 517]. Тут же артель связывается с кооперативом: «*наименование артели присваивается* сельскохозяйственным кооперативам» (курсив мой. – И.А.) [15. С. 518]. Во втором издании Большой советской энциклопедии (1950) внимание сосредоточено на основе и принципах функционирования артели как одной из форм социалистического коллективного хозяйства в СССР и впервые появляется отдельная статья «Артель сельскохозяйственная», т.е. колхоз [16]. Здесь и в дальнейшем в определении колхоза будет указываться принцип добровольности объединения, но насколько это соответствовало действительности, говорить не приходится. «К. Маркс и Ф. Энгельс считали необходимым после социалистической революции установление «одинаковой трудовой повинности для всех», а также «создание трудовых армий, в особенности для земледелия». На VII съезде РКП(б), созванном в экстренном порядке, В.И. Ленин среди неотложных задач ставил и такие, как «принудительное объединение *всего* населения в потребительско-производительные коммуны» и «немедленный приступ к полному осуществлению трудовой повинности, с наиболее осторожным и постепенным распространением её на мелкое,

живущее своим хозяйством без наёмного труда крестьянство» [17. С. 58]. Это лишний раз показывает пагубность изучения артели, опираясь лишь на факт названия союза этим словом.

Материал, посвящённый артели в третьем издании Большой советской энциклопедии (1970), соединяет в себе все вышеотмеченные особенности советского взгляда на артельные союзы. Отмечается факт *наименования* того или иного объединения людей артелью: «чаще всего понятие «артель» применялось к...», «реже название «артель» применялось в отношении...», утверждается, что артели возникают с развитием капитализма, и они прямо отождествляются с кооперативом и колхозом [18]. В недавней Большой энциклопедии в 62 томах (2006), по сути, приводится то же советское определение, только уже с использованием современной лексики. Не удивительно, что здесь же артель сельскохозяйственная отождествляется с колхозом [19]. Наконец, в новейшей попытке дать сведения по всем отраслям знания – Большой российской энциклопедии в 30 томах вообще нет (sic!) статьи, посвящённой «артели» (есть только статья «Артель художников» (1863–71) [20]).

Как видно из этого беглого обзора немногих попыток определить *значение термина «артель»*, в отечественной историографии существует, по крайней мере, несколько по сути противоположных взглядов на эту проблему: возникший на основе общинных традиций и развивавшийся совершенно независимо от влияния Западной Европы исконный народный трудовой союз; классический кооператив капиталистической эпохи; трудовой союз эпохи капиталистических отношений (коллектив тружеников – наёмных рабочих, связанных коллективным договором); наконец, подход, который может быть выражен следующими словами: «артель есть то, что называют артелью». («Определители общественных явлений иногда впадают в очень наивную, но очень обычную ошибку: они название того или другого явления принимают за самое явление или часть его» [21. С. 102]). Мы специально ограничились здесь по большей части словарно-энциклопедической литературой, так как традиционно именно в этом жанре (и ещё в учебниках) представлено в сжатом виде обобщённое и на тот момент общепринятое знание о том или ином вопросе. Тем более если речь идёт о широко используемом термине, значение которого в силу этого, кажется, и не требует дополнительного объяснения. Более того, после работы А.А. Исаева (1881) в отечественной историографии мы больше не встречаем специального исследования об артели.

Понятно, что на основе этих принципиально разных точек зрения невозможно составить какое-то общее мнение насчёт артелей в России, что уж говорить о тех исследованиях, которые так или иначе опираются на какую-то из вышеприведённых трактовок понятия «артель» в своих работах? По сути дела, почти все исследования, затрагивающие проблему артели в России, строятся по позитивистским – описательным лекалам. Идёт сбор фактического материала об артелях и его анализ, но самое главное здесь – изучается то, что *принято назвать артелью (в народе ли, в законодательстве ли)*. Отсюда путаница, когда автор никак не определяет используемый им термин

«артель», а просто употребляет его как синоним других слов, отождествляет артель то с «общиной», то с «кооперативом», а то и с «колхозом». Получается, что весь массив литературы по артелям в России, описывая «артельные союзы», на самом деле изучает довольно разные вещи. Поэтому, чтобы не завязнуть в этом «омуте», необходимо ещё более полно прояснить, что же такое артель. Очевидность такого исследования видна ещё потому, что со времени первого (и единственного) специального научного исследования артельного начала в России [8] до сих пор не появилось такого обобщающего труда, посвящённого именно артельным союзам.

Попробуем более подробно остановиться на некоторых моментах отечественной традиции понимания артели. Мы видели, что после исследования А.А. Исаева в понимание артели первое существенное изменение было внесено после законодательных перемен 1900-х гг., и оно состояло, прежде всего, в том, что из определения артели исчезло указание на **господство начала равенства во внутренней жизни союза**, между тем как «основным началом наших артелей, действительно, является, как выражается г. Качалов, «равенство взаимных отношений» между отдельными членами» [5. С. 280]. Думается, эта перемена была связана, с одной стороны, с объективным ходом исторического процесса (переходом от аграрного общества к индустриальному (модернизация) и развитием капиталистических отношений). Не затрагивая здесь область менталитета, заметим только, что артель как явление доиндустриальной эпохи в момент перехода от аграрного к индустриальному обществу, безусловно, должна была претерпевать определённую трансформацию. С.Н. Прокопович писал: «В основе каждой формы кооперативного объединения лежит соответствующий её способ производства. Эта зависимость кооперативных форм от экономических отношений приводит к тому, что с изменением хозяйствующего строя меняются и кооперативные организации. Ремесло, развиваясь на счёт исторически предшествовавшего ему способа производства – работы вне собственного хозяйства, неизбежно сметает артели, как форму кооперации, свойственную умирающей экономической формации» [22. С. 29]. Важно отметить, что эти слова принадлежат представителю экономического направления кооперативного движения, который не отождествлял кооператив с артелью, а признал последнюю лишь одной из исторических форм кооперации, свойственную докапиталистическим отношениям производства. И.И. Дитятин отмечал: «Едва только капитал, необходимый для производства промысла, принимает сколько-нибудь значительные размеры, артель изменяет свой характер: в состав её входит уже начало ей враждебное, начало разрушающее её в самом корне» [5. С. 273].

Ф. Энгельс считал, что русская «артель <...> неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не вступит на путь дальнейшего развития» [23. С. 543]. Понятно, что «переходная» форма артели в этот период создаёт определённые сложности для анализа, однако при внимательном рассмотрении видно, что «принцип общности нарушается, в сущности, лишь в отношениях между капиталом, с одной стороны, и трудом, с другой; что же касается отношений между теми членами артели, которые вносят в общее дело лишь труд, то здесь это начало не нарушается»

[5. С. 280]. Важно также «иметь в виду, что «равенство» членов артели не касается, однако, всех отношений; артель не берёт всего человека, а лишь одну его сторону, сторону промышленно-экономическую; почему и равенство имеет лишь в этих специальных взаимных отношениях» [5. С. 284].

С другой стороны, и не в последнюю очередь, обозначенная перемена коренится в отождествлении артелей и кооперативов, создаваемых по инициативе активистов кооперативного движения в России в последней трети XIX в., которые также *назывались* артелями, но зачастую строились совсем на других принципах, нежели самостоятельные народные артельные союзы. С.Д. Домиников свидетельствует: «Многие кооперативные учреждения держались только на энтузиазме и идеалистических устремлениях своих членов или даже отдельных вождей» [24. С. 61]. Впрочем, это было замечено А.В. Яковлевым ещё на заре кооперативного движения в России [25. С. 269–270]. Конечно, движение не было однородным, но, пожалуй, все кооператоры *не могли* бы согласиться с тем, что «артель – исключительно промышленно-экономическое явление общественной жизни, не представляющее собою самобытного, отдельного целого ни в религиозном, ни в нравственном, ни тем менее в политическом смысле» [5. С. 284]. А.В. Яковлев утверждал: «Это смешение в ассоциациях двух целей, экономической и воспитательной, это предпочтение последней перед первой, конечно, прежде всего происходит от привычки смотреть на народ свысока, как смотрят няньки на малого ребёнка, от привычки, до того въевшейся в большинство, лицо ставить выше массы народа, что от неё часто бывают не в силах освободиться даже самые искренние друзья народа» [25. С. 289]. Суть кооперативного движения в России и основная мотивация кооператоров, пожалуй, также верно схвачены и в следующих словах Я. Кацониса: «Выяснилось, что современная литература о кооперативах, представлявшая их в столь благовидном свете, создавалась людьми, вовлечёнными в далёкую от гармонии полемику о настоящем и будущем России и крестьянства и о своей собственной роли в этом будущем. Кооперативы воплотили в себе противоборство за право авторитетно судить о крестьянах и говорить от их имени, столкновение различных стратегий действий в отношении крестьянства и притязаний на влияние в его среде» [27. С. 12].

Отмеченными выше причинами объясняется и выпадение из определения артели указания на **круговое ручательство членов артели друг за друга**. Между тем как, по определению А.А. Исаева, «ответственность друг за друга есть неотъемлемая особенность артели» [8. С. 7], и, по мнению Э. Вредена, «всякая артель, ведущая свои обороты в разрезе с этими требованиями [взаимное ручательство членов артели друг за друга], не достигает цели, а артели, возникавшие искусственно, опекаемые разными патронами, желающими прослыть передовыми людьми, шли вяло и наконец распались» [7. С. 153]. В литературе было подмечено, что круговая порука порой являлась «навязанным» условием и в этом смысле представляла собой средство сбережения издержек предпринимателю [23. С. 542; 26; 28, С. 183, 187–188; 29. С. 197]. В этом смысле она казалась «ненормальным» явлением, изменяющим саму суть артельного союза, но, наверное, правильное будет говорить

об обоюдновыгодном характере такого положения вещей, а не о навязывании этого принципа одной стороны экономических отношений (хозяина-капиталиста) другой (нанимаемого коллектива) [30. С. 204].

В России конца XIX – начала XX в. в переходный период модернизации артель, этимологически связанная с общиной, существовала параллельно с попытками утвердить новый тип хозяйственного объединения (кооператив и хозяйства фермерского типа). Можно понять, что многоукладность российской экономики, отмеченная В.И. Лениным в начале XX в., создавала определённые сложности для анализа артелей, чем, наверное, отчасти и объясняется нередкое отождествление разнородных явлений: артели и кооператива. Однако они, строго говоря, относятся к разным стадиям социально-экономической эволюции, и неправомерность их отождествления ещё раз становится ясной, если обратиться к области менталитета. А.В. Яковлев писал: «Это смешение в ассоциациях двух целей, экономической и воспитательной, это предпочтение последней перед первой, конечно, прежде всего происходит от привычки смотреть на народ свысока, как смотрят няньки на малого ребёнка, от привычки, до того въевшейся в большинстве, лицо ставить выше массы народа, что от неё часто бывают не в силах освободиться даже самые искренние друзья народа» [25. С. 289].

Артель исторически была порождением общинного уклада крестьянства в рамках общества доиндустриального, поэтому и все производственные отношения строились в соответствии с традиционной трудовой моралью российского крестьянства, а она, по мнению Б.Н. Миронова, «в течение всего периода империи не претерпела радикальных изменений, вплоть до 1917 г. она оставалась минималистской, потребительской. <...> трудовая этика крестьянина была принципиально отлична от максималистской, так называемой буржуазной трудовой этики <...> [и] также не отвечала «духу капитализма» <...> [она] была общим европейским явлением в доиндустриальную эпоху, и причина этого состояла <...> в менталитете, присущем человеку традиционного общества» [31. С. 314]. И.И. Дитятин отмечал: «Со словом артель связывается множество самых разнообразных понятий, начиная с простой толпы, группы случайно сошедшихся людей, кончая *совокупностью рабочих, состоящих на работах, каждый на своих особых условиях, у одного лица, хозяина*» (курсив мой. – И.А.) [5. С. 270]. А.А. Исаев верно писал: «Отчуждение идёт так далеко, что выборное начало умирает, распределение работ становится обязанностью нанимателя, вступление в союз заменяется договором между хозяином и каждым из членов; наконец во внешних сношениях взаимная ответственность уступает место поруче одного хозяина. Таким образом, союз утрачивает все черты, которые дают право называть его артелью. А между тем название это удерживается народной речью и для подобных групп; как часто приходится слышать об артели каменщиков, плотников, когда в сущности называемые этим именем представляют только совокупность наёмных рабочих» [8. С. 19]. Разнообразные примеры артелей приводятся в сборнике материалов о них, изданный в 1874 г. [26].

Для более ясного понимания артели, на наш взгляд, необходимо затронуть ещё один принципиальный момент. Исследователи давно отмечали, что

порой артель сохраняет своё название лишь номинально. Уже А.А. Исаев затрагивал важный **вопрос о степени самостоятельности артельных союзов**, правда, он пытался объяснить это тем, что даже если союз теряет все признаки производительной артели, то он, во-первых, во всяком случае, сохраняет функции артели харчевой (и именно в этом смысле он называется артелью *самими членами объединения*) и, во-вторых, имеет место простое перенесение старого привычного названия на новое явление «как обычай, некогда имевший смысл, переходит в бессодержательный обряд» [8. С. 19–21]. Но если первое ещё как-то объясняет самоназвание группы наёмных рабочих артелью, то никак не оправдывает употребление этого термина в правительственной и исследовательской печати. (Особенно, если учитывать, что исторически русское законодательство под артелями вообще понимало как раз *производительные* артели и стремилось кодифицировать отношения именно с этим видом артелей. Отсюда и частая подмена понятий). Последнее также касается второго предложенного А.А. Исаевым объяснения, лишь разъясняющего тезис о весьма широком употреблении слова «артель» в народе («У нас привыкли в народе всякое предприятие, какой бы ни было формы, называть артелью» [7. С. 150]. На эти же моменты обратил внимание в конце 90-х гг. XIX в. В.И. Ленин: «... так называемые «артельные сыроварни» 70-х годов, и «сыроварение продолжает развиваться на правах частной предприимчивости, сохраняя лишь одно название «артельного»» <...> «артельные» сыроварни фигурируют – добавим от себя – в «Указателе фабрик и заводов» как заведения с наёмными рабочими» [34. С. 260]. Что касается практики наёмного труда в артелях, то это допускалось лишь в качестве *исключительной срочной меры* [5. С. 281–282].

Однако до сих пор у историков нет ясного представления о том, что такое артель. При этом вообще не всегда пытаются проследить, во-первых, что имеет в виду пишущий об артели и, во-вторых, как сами артельщики расценивают своё положение в ней. Ситуация, по большому счёту, анекдотичная: народ (именно те, кто составляет артель) употребляет это слово вообще по всякому удобному случаю, в свою очередь, законодательные акты и исследовательская литература, опираясь на факт из народной жизни, пытаются определить и изучить это явление. При этом создаётся общая описательная конструкция, которая опять-таки часто употребляется к месту и не к месту – артель видится чуть ли ни везде. Само название объединения артелью зачастую считается гарантией того, что речь идёт именно об артельном союзе [21. С. 102]. И до сегодняшних дней этим же словом принято называть самые разные объединения – от охотничьей ватаги до кооператива и колхоза [19. С. 516], что само по себе красноречиво характеризует ситуацию со степенью понятости артели.

Но вернёмся к вопросу о самостоятельности артели, как её отличительном признаке. А.А. Исаев его таковым не считает и замечает: «...так как ограничения в равной мере касаются всех членов союза, то, суживая их права, не вносят начал, способных уничтожить один из признаков, отличающих эту форму общения» [8. С. 21]. На мой же взгляд, как раз-таки здесь и проходит водораздел между артелью как явлением народной жизни и артелью как кон-

струкцией, созданной законодательством, и словом, употребляемым в литературе для обозначения самых разных общественных объединений.

Если имеет место факт ограничения артельного начала сторонними силами (экономического ли, общественного ли характера), тогда теряется и смысл артели. Рассмотрение вопроса о самостоятельности даёт лишний аргумент за то, что знаменитые маслосырдельные артели по сути артелями и не являлись. Я. Кацонис справедливо пишет: «Жизнеспособность аграрных кооперативов напрямую зависит от постоянного покровительства со стороны некрестьян, так как дольше всех просуществовали как раз те артели, которые находились под их непосредственным надзором и управлением. <...> [это] поднимало деликатный вопрос о природе кооперативов: хотя организаторы и утверждали, что кооперативы должны были стать учреждениями, отражающими крестьянскую «независимость» и «уверенность в своих силах», они тут же заключали, что эти учреждения не способны выжить без стороннего надзора и управления» [27. С. 47].

Как можно *заставить* артельщиков, например, блюсти круговое ручательство друг за друга? Конечно, известны примеры объединения круговой порукой рабочих, *нанятых порознь (а не артелью)*, но в этом случае речь идёт уже не об артельном союзе, а именно о трудовом союзе эпохи капиталистических отношений (коллективе тружеников – наёмных рабочих, связанных коллективным договором). Наверное, некорректно принимать артели, «которые по внутренней своей организации вовсе не заслуживают этого названия, но круговая порука придаёт им этот характер» [28. С. 184], за настоящие артели. То же относится и к так называемым тюремным и солдатским «артелям». Ведь очевидно, что существует большая разница между обязательной круговой порукой, например, в крестьянских обществах и для отбывания податей и повинностей и добровольной круговой порукой артелей и товариществ.

При внешней инициативе и под внешним принуждением, при таком «насилованном» объединении в «артель», последняя уже превращается в «общину» [8. С. 17–18; 35]. Впрочем, критикующий такой подход Н.М. Ядринцев сам часто использует слова «артель» и «община» как синонимы. Из двух вариантов: а) артель учреждённая, изначально созданная «сверху» и б) артель учинённая «снизу» – к собственно артели относится только второй. Ибо для этого *необходимы самостоятельное добровольное решение и согласие на объединение, т.е. инициатива снизу, от самих участников.* «Артель есть <...> форма общения – чисто хозяйственная, не принудительная», – отмечал А.В. Прилежаев [36. С. 98]. Показательный пример из недавнего прошлого – колхоз, или, как до сих пор пишут в энциклопедиях-словарях, «сельскохозяйственная артель». Очевидно, составители либо просто перепечатывают статьи из Большой советской энциклопедии, либо как-то совсем по-своему понимают артель, ведь, как говорят в народе: «Колхоз – дело добровольное, хочешь не хочешь, а вступать надо». «Курс на коллективизацию, взятый в начале 1930-х гг., предполагал и борьбу с таким явлением, как *самоорганизованные артели*. К концу 1930-х такие артели были преимущественно ликвидированы» (курсив мой. – И.А.) [30. С. 204–205]. Артельщики сами при-

нимают «правила игры» и, сохраняя все признаки своего объединения, встраиваются в существующую социально-экономическую конъюнктуру (характерный пример из недавнего прошлого – бригады «шабашников»). «Модель внутренней организации таких бригад вполне типична для мигрантов-сезонников и в том числе обнаруживает большое сходство с артелями отходников в России начала XX в. <...> в 1920-х гг. артели отходников ещё процветали, как и до революции» [30. С. 224].

Здесь, кстати, уместно сказать ещё несколько слов о так называемом кооперативном движении в России (в литературе «артель» и «кооператив» до сих пор часто употребляются как синонимы). В недавно переведённом на русский язык американском исследовании Янни Коцониса ясно показано, насколько расходились кооперативы в теории и кооперативы, существовавшие на практике в России во второй половине XIX – начале XX в. Делая скидку на то, что Коцонис специально артели не исследует, всё же некоторые его мысли приложимы и к нашей теме (позволим себе несколько пространных цитат). «Самым интересным <...> является то, что каждая из сторон – и представители земств, и члены кооперативов – считала товарищество детищем противоположной; кооператив, таким образом, становился символом того образа действий, которого каждая из сторон ожидала от другой. Земские представители предполагали, что крестьяне учреждали кооперативы в порыве всеобщей инициативы <...> С точки зрения самих крестьян-кооператоров, инициатива по созданию «товариществ» шла от земств, то есть тех учреждений, которые объясняли смысл товарищества, давали документы на подпись и деньги для распределения. **На самом деле классических кооперативов не существовало вовсе**; наличествовали только каркас, форма учреждения, пропагандируемого земством, – и поселяне, вряд ли склонные расставаться со своим имуществом, чтобы удовлетворить требования правительственных агентов» (выделено мной. – *И.А.*) [27. С. 44]. Автор анализирует неудачи кооперативного строительства на примере маслодельных артелей 1870-х гг., попытки организации артелей на Юге в 1890-х гг. и в следующее десятилетие, когда кооперативное движение также делало ставку уже не на общину, а на артели, существующие на местах, и артели, вновь создаваемые, причём в последнем случае само понятие «артель», по сути, выхолащивалось. Если суммировать информацию из вышеприведённых цитат, тогда получается, что во второй половине XIX в. в России артелями (в литературе) назывались какие-то искусственные объединения, лишь отдалённо напоминающие народные союзы. «Судьба маслодельных и сыроварных артелей (1870-гг.) была схожа с судьбой ссудо-сберегательных товариществ, несмотря на то, что в процентном соотношении доля экономически устойчивых артелей оказалась меньше. <...> По оценкам земских организаторов движения, основные проблемы проистекали из того, что все кооперативы учреждались на базе земельной общины. Поначалу её рассматривали как ту силу, которая позволит крестьянам соединить традиционные коллективистские формы жизнедеятельности и новые технологии, что и будет поддерживать их в «естественном состоянии». Однако члены артелей получали от земств ссуды и субсидии, распределяли их равномерно между собой и

мало заботились о кооперативе как таковом. Единственное, что впоследствии напоминало о существовании артели – это деньги, которые крестьяне должны были выплачивать по системе круговой поруки. Оборудование, закупленное от имени кооперативов, вскоре перешло в пользование немногих грамотных хозяев, решившихся на вложение в них своих средств. Обычно это были представители местного дворянства и купечества, то есть единственные местные люди, способные уладить вопросы с выплатой ссуд и закупкой оборудования, найти рынки сбыта в Санкт-Петербурге и Москве <...> Урок, извлечённый из этой ситуации, был уже хорошо знаком по опыту ссудо-сберегательных товариществ: **несмотря на существование общинных учреждений и неформальной артели, ничто из прошлого русского опыта не подготовило крестьян к правильному восприятию классических кооперативов**» (выделено мной. – И.А.) [27. С. 46–47]. «Результаты эксперимента повторяли уже знакомые нам с потрясающим постоянством: треть артелей исчезла в год своего основания, ни одна не продержалась до конца десятилетия, а многие вообще никогда не существовали на практике. Земский представитель нашёл, что **большинство артелей вовсе не являлись кооперативами**» (выделено мной. – И.А.) [27. С. 51]. И далее: «... эти новые учреждения должны были функционировать на волостном уровне как «исполнительные органы» земств» <...> «Принципиальной чертой земских программ <...> было то, что кооперативы использовались земством для управления крестьянами» [27. С. 124, 125]. Ещё раз повторим, что вопрос о самостоятельности (добровольности) является принципиальным для сущности артельной формы объединения.

Сибирские маслодельные артели, наиболее известные читающей публике, на мой взгляд, называть артелями также, по меньшей мере, некорректно, и применение термина «артель» по отношению к ним является настолько же натянутым, как к маслосыродельным артелям Европейской России. Следует разделять артель и общину, тем более следует разделять артель и кооператив, которые и в теории, и на практике являются разными вещами. *В идеале же* «непременное условие ассоциации – участие членов трудом и капиталом и затем совершенное отсутствие посторонних лиц, на счёт которых извлекаются выгоды» [25. С. 282].

Видный отечественный историк Б.Н. Миронов, говоря об артели, фактически уподобляет её общине, обнаруживая её везде, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью *вне* крестьянской или посадской общин (в том числе в армии, тюрьме и ссылке) [33. С. 525–526]. По указанным выше причинам мы не можем согласиться с этим. Хотя мысль о том, что артель является родственной по духу формой организации с сельской и городской общиной и что артельный союз адаптировал именно общинные принципы (в отличие от принципов индивидуализма, на которых строится кооператив) в хозяйственной жизни его членов, не вызывает возражений.

По мнению Я. Кацониса: «... община и кооператив – сами по себе отнюдь не являются дополняющими друг друга институтами или последовательно сменяющими одна другую ступенями исторической эволюции – это несовместимые и взаимоисключающие образования» [27. С. 38]. Когда же,

например, указывается, что «производственному коллективизму артельщиков, имевшему, по мнению Туган-Барановского, буржуазные основания индивидуализма (конечная цель работника артели – накопив достаточно средств, стать самостоятельным хозяином), он противопоставляет организацию потребительского общества, где коллективизм выражает дух солидаризма» [24. С. 52], это можно понять, если в артели, наверное, видеть как раз именно кооператив как явление капиталистической эпохи с её внутренней установкой на индивидуализм.

В современной российской историографии предпринимаются попытки уйти от простого повторения старых штампов и идеологических конструкций, внести ясность в интересующую нас тему. Так, например, уже высказана продуктивная мысль о двух пластах в российском «кооперативном движении» («община-артель» и «новая кооперация») и, пожалуй, впервые ясно заявлено о принципиальной разнице между кооперативом и артелью [37. С. 25–27]. Ещё раз следует отметить принципиальную разницу между артелью и общиной: там, где вхождение в коллектив определяется не свободным договорным соглашением, а фактом рождения, принуждением или иными не зависящими от члена объединения обстоятельствами, говорить об артели не приходится. Имеется в виду не духовно-психологическая сторона дела, в этой плоскости споров о том, что это родственные по духу формы, быть не должно. Речь идёт о другом: «По единодушному мнению современников, врагом общины являлся индивидуализм» [33. С. 525]. И в этом смысле общине и артели, как объединениям доиндустриальной эпохи, противостоял кооператив, объединение эпохи капиталистической, покоящейся на принципах индивидуализма. Интересно, что «кооперативное движение», по крайней мере до поры до времени, делало ставку именно на общинные институты: «[подход,] созвучный западноевропейским теориям, по которым изначально строились русские кооперативы <...> вскоре (особенно в 1870-х и 1880-х гг.) <...> вступил в противоречие с преобладающим взглядом на цели, которым должны были служить кооперативы. Земства, стимулировавшие развитие кооперативов, будучи полугосударственными учреждениями, считали своим долгом прежде всего препятствовать обнищанию большинства крестьянского населения, а не способствовать улучшению положения его меньшинства» [27. С. 38].

В связи с этим уместно также указать и на столь любимую в литературе народнического толка тему «артель в кустарном промысле». Тема особенно известна благодаря трудам В.В. (Воронцова В.П.). (Мелкое производство в России. I. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895; Мелкое производство в России. II. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895; Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.). Кустарничество как семейная форма производства тоже явление, чуждое артельному началу: «Соединение кустарей семейной связью является особенностью, по которой можно сразу отличить кустарно-промышленную единицу, как от предпринимательской, так и от артельной», «кустарничество и артель – понятия, включающие одно другое» [36. С. 57, 207; 29. С. 182–184]. Наконец, отметим, что артель ни в коем случае не является самобытным русским явлением, а

равно присуща и другим обществам на стадии доиндустриального развития: «...разница артели и существующих теперь в Западной Европе ассоциаций <...> касается только формы, в которой проявляется одна и та же идея сгруппироваться для экономической самозащиты» [25. С. 271].

Учитывая всё вышесказанное, на наш взгляд, наиболее полное и точное определение артели дано А.А. Исаевым, с той лишь поправкой, что таким же неизменным признаком артельного объединения является инициатива самих участников для создания союза, т.е. самостоятельность (добровольность) артели. Итак, **артель есть самостоятельно учреждённый, основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом.** Такой самоорганизованный коллектив чаще всего был неформальным и существовал на временных (обычно) сезонных началах. Будучи связанной с первичными формами кооперации, свойственной докапиталистическим отношениям производства, артель как форма организации труда тем не менее достаточно чётко выделяется среди других хозяйственных союзов. Добровольное и договорное начало объединения отличает артель от общины, кустарничества (как семейной формы производства), тюремных и солдатских сообществ. А будучи порождением традиционной аграрной стадии социально-экономической эволюции и соответствующих ей норм традиционной трудовой этики, артель принципиально отличается от кооператива (как явления капиталистической эпохи с буржуазной этикой труда), являясь лишь одной из исторических форм кооперации. Вообще артель по существу находится в одном ряду с дружиной, складчиной, ватагой и т.п. изначально существовавшими в народе социально-экономическими союзами, основанными на демократических началах.

Литература

1. *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.
2. *Связев И.И.* Артель // Энциклопедический Лексикон. Т. III. СПб.: Изд. А.А. Плюшара, 1835.
3. *Исаев А.А.* Недоразумения по вопросу об артелях. Ответ на рецензию г-на Сазонова. Ярославль, 1883.
4. *Качалов Н.В.* Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864.
5. *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. I.
6. *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I. СПб., 1877. 447 с.
7. *Вреден Э.* Курс политической экономии. 2-е перераб. изд. СПб., 1880. С. 148–160.
8. *Исаев А.А.* Артели в России. Ярославль, 1881. 336 с.
9. *Энциклопедический словарь* под ред. проф. И.А. Андреевского (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). СПб., 1890. Т. II.
10. *Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания* / Под ред. С.Н. Южакова. 3-е изд. стереотипное. СПб., 1903. Т. 2.
11. *Краснокутский В.* Артель (в юридическом отношении) // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. / Под ред. (до 33 тома) проф. В.Я. Железнова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и К.А. Тимирязева. СПб., 1910. Т. 3.
12. *Васьковский Е.* Артель (история артели и законодательство об артели) // Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). СПб., 1911. Т. 3. С. 749–764.

13. *Прокопович С.* Экономическое значение артели // Новый энциклопедический словарь... (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). СПб., 1911. Т. 3.
14. *Данилова Е.Н., Зиман Л.Я., Попов Н.И.* Артель // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 3. С. 466–475.
15. *Малая советская энциклопедия.* 2-е изд. / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М., 1937. Т. 1. С. 517–518.
16. *Большая советская энциклопедия.* 2-е изд. / Гл. ред. С.И. Вавилов. М., 1950. Т. 3.
17. *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего). СПб., 1997.
18. *Большая советская энциклопедия.* 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1970. Т. 2.
19. *Артель сельскохозяйственная* // Большая энциклопедия: В 62 т. М., 2006. Т. 3.
20. *Большая российская энциклопедия:* В 30 т. М., 2005. Т. 2. С. 279–280.
21. *Поссе В.А.* Вырождение и возрождение. СПб., 1912.
22. *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1913. 456 с.
23. *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. V. О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 18. С. 537–548
24. *Домников С.Д.* Кооперативный идеал в России начала XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. IV. М., 1994. С. 39–68.
25. *Яковлев А.В.* Ассоциация и артель // Русские общественные вопросы. С приложением литературно-политического отдела [Сборник газеты «Неделя»] / Под ред. П.А. Гайдебурова и Е.И. Конрада. СПб., 1872. С. 267–304.
26. *Сборник материалов об артелях в России.* СПб., 1874. Вып. II.
27. *Коцюнис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / Авторизированный пер. с английского В. Макарова. М., 2006. 320 с.
28. *Оршанский И.* Народный суд и народное право. III // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1875. Кн. IV. С. 140–223.
29. *Волгин А.* Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.). СПб., 1896. 283 с.
30. *Валетов Т.Я.* Самоорганизованные сезонные бригады (шабашники) в СССР в 1960–1980-х гг.: экономические и социальные аспекты // Экономическая история. Обзорение. Вып. 14 / Под ред. Л.И. Бородкина (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 40). М., 2008. С. 202–225.
31. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 2.
32. *Фёдорова О.К.* Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsoc.ru/db/msg/8347>
33. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 1.
34. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России: процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 3. С. 260
35. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
36. *Прилежайев А.В.* Что такое кустарное производство? СПб., 1882. III. 208 с.
37. *Николаев А.А.* Два уровня развития кооперативного движения в России и исторический выбор большевизма // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, Н.К. Чернявская. Омск, 2000.